

УДК 94 (575)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.33.70>

Военно-политическое противостояние Сефевидов и Шейбанидов в Мавераннахре в начале XVI в.

Л. Э. Исмоилов

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Освещается военно-политическая и социальная обстановка в Мавераннахре и Хорасане в период нашествия кочевых узбеков с одной стороны и наступления Сефевидов – с другой. Задача автора состоит в том, чтобы показать процесс падения государства Тимуридов и захвата их владений узбекскими кочевыми племенами и Сефевидами. Исследуется роль религии ислам в разворачивающихся политических событиях. Актуальность выбранной темы выражается в следующем. Возникшая общественно-политическая ситуация в регионе вновь порождает идею «исламского халифата». Таким образом, эта идея при благоприятных исторических условиях и при успешной организационной и идеологической деятельности заинтересованных сторон вновь будет будоражить умы и настроения определенных категорий людей. Об этом свидетельствуют последние события в Сирии и Ираке.

Ключевые слова: Мавераннахр, Тимуриды, Шейбаниды, Сефевиды, ислам, религиозный конфликт.

Для цитирования: Исмоилов Л. Э. Военно-политическое противостояние Сефевидов и Шейбанидов в Мавераннахре в начале XVI в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 33. С. 70–79. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.33.70>

С точки зрения истории рубеж XV–XVI вв. для Мавераннахра стал критическим, судьбоносным и довольно противоречивым периодом развития. В это время произошло падение Тимуридского государства. Поскольку падение любого государства влечет за собой всеобщий политический хаос, который порождает в свою очередь классовые, религиозные или этнические войны, то происходящие события в рассматриваемом нами регионе не стали исключением. Более подробное описание исторических событий этого периода дано в ряде блестящих работ А. А. Семенова [7, с. 111–150; 8, с. 39–85].

XVI в. в истории Мавераннахра начался с вторжения кочевых узбеков и полного разграбления ими земель. Собственно, результатом и последствиями доминирования (*муставли*) Шейбанидов стало приобретение ими политической власти в регионе, что привело к новому переделу собственности и новому распределению источников богатств. Естественно, многие бывшие владельцы были либо убиты, либо стали беженцами или отчужденными от

своей собственности. Как пишет А. А. Семенов, когда кочевые узбеки в первый раз захватили Самарканд, они грабили и пытали каждого человека, более или менее зажиточного. Результатом этого грабежа в городе и его окрестностях стал голод. Жители, нарушая религиозный запрет, вынуждены были употреблять мясо собак и кошек. После вторичного захвата Самарканда узбеками (после бегства Захир ад-дина Бабура) началось поголовное убийство и грабеж жителей. Те, кому удалось спастись бегством, устремились в горные районы современного Таджикистана, Хорасана и другие места [8, с. 55]. Однако богатая и легкая нажива, которую получили кочевые узбеки, воодушевила их, вторжение стало принимать внушительные масштабы в военном, политическом, демографическом и религиозном плане, чего не ожидали сами Шейбаниды.

Не только кочевые узбеки, но и их ярые противники – беспринципные и вероломные моголы (союзники Захир ад-дина Бабура) тоже грабили, насиловали и убивали жителей центральных районов Мавераннахра. За короткий срок они практически истребили население Гиссара. Не стоит забывать о моральных нормах поведения «воинов»: они сами их устанавливают. Поскольку во время военных действий появляется вседозволенность, моральные нормы многими забываются, и имеет место жестокость и насилие. Кочевые узбеки и моголы не были исключением.

Вышеперечисленные конфликты повлекли за собой неимоверно жестокие страдания местного простого народа. Война – это самое страшное из человеческих проявлений. Она сопровождается смертями, разрушениями, невообразимым опустошением и разорением. Ее ход и направление всегда непредсказуемы.

В начале XVI в. произошло другое важное событие, которое имело влияние на дальнейшее развитие истории региона и судьбу его народов: обострились шиитско-суннитские противоречия. Главной причиной этого противоборства считается появление новых игроков на военно-политической арене – Шейбанидов и Сефевидов, которые намеревались захватить тимуридское политическое наследие. Эти взаимоисключающие факторы, которые были чужды истории региона, усилили напряженность в обществе, неопределенность в развитии страны. За кулисами этой вражды стояли политические мотивы, основным стержнем которых была попытка приобрести военно-политическую гегемонию в Мавераннахре и Хорасане. Основные противоречия между сторонами касались территории, религии и, вероятно, торговли.

Скрытые религиозные разногласия внутри двух конфессий ислама стали более ощутимы в начале XVI в., когда шиизм был объявлен Сефевидами государственной религией. Первоначально это было местное, локальное религиозное разногласие. Но вскоре оно перешло свои естественные географические границы и на почве соперничества между двумя конфессиями внутри ислама превратилось в долгий вялотекущий военно-политический конфликт почти на протяжении всего XVI в. на востоке государства Сефевидов. Особенно масштабным и ожесточенным противоборство стало, когда к обеим сторонам примкнули их фанатичные приверженцы. Эта военно-

политическая борьба облекалась в религиозную оболочку. Участники этого конфликта – и кизилбаши (Сефевиды), и их противники, кочевые узбеки (Шейбаниды), – считали себя *гази* (борцами за веру). Известно, что религиозные конфликты, как, впрочем, и другие конфликты, непредсказуемы. Обеим конфликтующим сторонам были присущи ошибочные оценки ситуаций, преувеличение своих возможностей, а также излишние, неконтролируемые эмоции.

Сторонники нового шейбанидского режима в Мавераннахре искали нужные и полезные версии истории ислама, которые могли бы поспособствовать легитимизации правления новой династии Шейбанидов. Так, в широкое употребление вводится термин *имам-ул-заман ва халиф-ур-рахман* (имам времени и халиф милосердный). Такой титул носил сам Мухаммад Шейбани-хан [4, с. 370], который, несмотря на его сомнительную репутацию (в частности, из-за его военных преступлений) и отсутствие альтернативы, был возведен в пример духовного обновителя. Естественно, прошейбанидские историки и авторы приукрашивали его реальную историю.

Следует отметить: глубокая религиозность Шейбани-хана сочеталась с его убежденностью в том, что ему предназначена особая миссия. Вероятно, он старался соблюдать известный принцип мусульманского государственного права – *имам-халифа* и стремился показать себя в глазах мусульман продолжателем не только традиции мусульманского халифата (т. е. светским правителем), но и *имамата* – духовным руководителем мусульманской общины [6, с. 178]. Прошейбанидские историки понимали под этим восстановление справедливого исламского образа жизни и воплощение в нем истинных исламских норм. Ко всему сказанному следует добавить, что придворный поэт Мулло Шади в своем сочинении «Фатх-наме» (Книга о победах) называет Шейбани-хана *Махди* (мессия), *хади* (руководитель мусульман на прямом пути веры) и этими титулами подтверждает его право на звание духовного руководителя мусульманской общины [5, с. 46]. Автор данного сочинения (как, впрочем, и другие придворные историки) был одержим мыслью об особом месте и особой заслуге своего покровителя в истории ислама в общем и в истории Мавераннахра в частности. Он противопоставляет титул *Махди*, приписываемый Шейбани-хану, «шиитским мессианским воззрениям, в которых первое место занимает идея о грядущем имаме Махди, при котором наступит вселенское царство шиитов» [8, с. 70].

По мнению А. А. Семенова, принятие Шейбани-ханом титула *имам-уз-заман халиф-ур-рахман* был немедленным ответом на мессианское призвание, исходящее от кизилбашей. После получения нового статуса он безотлагательно воплотил свой ответ в реальные действия: напал на беззащитное население г. Кирмана, отчего погибло большое количество людей, а город был разграблен.

История показывает, что во время внутренних и международных кризисов, когда по стечению обстоятельств их краеугольным камнем становятся религия и религиозное чувство, ясность мышления слишком часто уступает место эмоциям и поспешным выводам. Шейбани-хан допускал бес-

принципность и авантюризм, а его окружение демонстрировало непредсказуемость поведения, что привело страну к большому конфликту. Шейбанихан под давлением своего окружения и других активно функционирующих кочевых группировок нередко принимал ошибочные политические и военные решения.

Известно, что на протяжении первых десятилетий XVI в. религия была причиной или, по крайней мере, считалась обоснованием многочисленных войн в Мавераннахре и Хорасане. Враждующие стороны – Шейбаниды и Сефевиды отличались религиозной идентичностью. Этот религиозный конфликт нес с собой кровопролитие, коварство, подкуп и грабежи. Люди, участвовавшие в этом конфликте, руководствовались не только религиозными, но и материальными, и финансовыми соображениями. В большинстве случаев определенные круги использовали суннитско-шиитскую рознь как предлог не только для собственного обогащения, но и обогащения завоевателей. Нередко основанием для грабежа и конфискации имущества людей становились не столько их конфессиональная принадлежность, сколько финансовое положение. Погибло много богатых суннитов. Подставные свидетели называли их шиитами. Встречались и противоположные примеры. Таким образом, грабежи осуществлялись под прикрытием религиозных лозунгов. Даже разбойники и грабители на дорогах под надуманными предложениями обвиняли своих жертв в принадлежности к каким-то полярным конфессиям.

Религиозный конфликт особенно ярко выразился в крупных городах Хорасана, где шииты первоначально проявились как «спящий элемент», но под влиянием внешних факторов «пробудились» и показали себя «активным меньшинством». По мнению А. Н. Болдырева, шиитско-суннитские противоречия имели место в главном городе Хорасана – Герате и до прибытия Сефевидов, однако были сравнительно безобидны. Преобладало суннитство, но с приходом Сефевидов получили распространение шиитский фанатизм, убийства и запугивание суннитов на улицах Герата. Фанатики не щадили даже мертвых. Так, например, ими была сожжена могила известного персидского поэта Абд ар-Рахмана Джамии (умер в 1492 г.). Таким образом, в регионе были нарушены конфессиональный мир и баланс интересов, подорваны мировоззренческо-религиозные принципы. Постепенно у людей изменилось соотношение конфессиональных представлений: Мешхед (хотя до прибытия Сефевидов в нем царил религиозный консенсус) уже считался сугубо шиитским городом. Сформировалось представление об Иране как о заведомо шиитском регионе (*вилайят-э кизилбош*).

Таджикский писатель Зайн ад-дин Восифи (умер в 1566 г.) как очевидец тех событий и как человек, сильно от них пострадавший, очень подробно рассказывает ужасные факты о шиитско-суннитском конфликте в Герате накануне нашествия Сефевидов в Хорасан. Как мы уже отметили, изначально это был «спящий конфликт», который ожидал момента своего разрешения. Это доказывает, что в любом регионе или крупном городе при наличии разных конфессий драма начинается вследствие внешнего вмешательства, и тогда более «пострадавшая» сторона проявляет чрезмерную разрушитель-

ную активность. Действительно, конфликтующие стороны демонстрировали крайности по отношению друг к другу. После захвата Герата кизилбашиами городские жители были вынуждены жить по строгим религиозным предписаниям, установленным новыми властями. Вероятно, на захваченных территориях суннитам было запрещено выражать свою конфессиональную принадлежность не только публично, но и частным образом. В противном случае они рисковали столкнуться с тяжким наказанием. Многие пострадали из-за случайного несоблюдения нового религиозного регламента. Новые лица, которые следили за выполнением этих правил, в назидание другим наказывали и невиновных, т. е. превышали возложенные на них полномочия. Например, Зайн ад-дин Восифи был преследуем за слишком коротко подстриженные усы. Известно, что сами кизилбаши носили длинные усы. В эпоху религиозного фанатизма внешние атрибуты – усы, борода, одежда, головной убор и прочее – указывают на принадлежность человека к определенным общественным группам. Как свидетельствуют письменные источники, признаки фанатизма выразились в навязывании окружающим людям религиозных догм, процедур и образа поведения, а также терпимости к фактам и формам религиозного насилия по отношению к представителям другой конфессии ислама. По сведениям Зайн ад-дина Восифи, противники проливали кровь друг друга, веря в то, что их представление об исламе самое истинное. Многие пожертвовали собственной жизнью за те или иные интерпретации истории первых десятилетий ислама. Обе стороны конфликта считали свое дело верным и священным (*газом*) и называли своих сторонников *гази*. Кочевые узбеки отличались особенной нетерпимостью к иноверцам, которая в сочетании с их дикими нравами приводила к жестокостям.

Многочисленные преследования на просторах новообразованного Сефевидского государства заставили многих приверженцев суннитского толка перебраться в Мавераннахр. В этом межконфессиональном противостоянии особенно пострадали такие крупные хорасанские города, как Герат, Мешхед и Мерв. Опираясь на данные, представленные Зайн ад-дином Восифи, мы понимаем, что многие сунниты-беженцы были свидетелями убийств, пережили аресты близких людей или их преследование, ссылки, измену некоторых друзей, разграбление домов. Не у всех была возможность эмигрировать в Мавераннахр. Необходимо было пройти досмотр и пересечь границу, а сначала получить официальное разрешение на это. Те, кто покинул родину, потерял близких родственников, источники средств к существованию и сумел эмигрировать в Мавераннахр, здесь столкнулись с трудностями бытового, этнопсихологического, регионального характера, т. е. эмигрантов ждала социальная и экономическая отверженность. Другими словами, это перемещение для них не стало «поиском веры и надежды». Как отмечают исследователи, богословские и чиновничьи круги Мавераннахра не скрывали враждебности к прибывшим хорасанцам по бинарному принципу «свой – чужой». Представители этих регионов высмеивали друг друга непристойными словами. Зайн ад-дин Восифи в этой связи пишет:

*Вафову мардуми дар Мовароуннахр кам бошад,
Агар хохи, бирав, эй Восифи, руй дар Хуросон кун.
Верности и человечности мало в Мавераннахре,
Если хочешь уйти, Восифи, то иди в Хорасан [1, с. 117].*

Многие приезжие, с трудом найдя себе место, оставались в Мавераннахре до конца жизни, другие в поисках лучшей жизни отправлялись в Индию. Например, известный поэт Шахиди-и Ираки после долгих скитаний по Мавераннахру отправился в Индию, обосновался в Гуджарате, где и умер в возрасте ста лет. Далеко не все переселенцы находили желаемое вследствие опасности на дорогах и распутьях. Большинство хотели попасть в Индию, но удалось это немногим. Эмиграция в Индию имела не только политико-экономическую подоплеку. Ей способствовали культурные, а также разнообразными бытовые причины. Примечательно, что в исторических источниках этого периода отсутствует явный намек на тему *мухаджирства* – ухода из-за ограничения или притеснения веры.

Новые события, т. е. нашествие кочевых узбеков, появление этого чужого и полудикого элемента (*гул-и биёбон-и*), а также появление войск Сефевидов (*кизилбош*) в Мавераннахре, вызывали у местного населения враждебную реакцию. Письменные источники данного периода отмечают факты разрушительных последствий продолжительного пребывания кочевых узбеков и моголов в окрестностях земледельческих районов при отсутствии сильной центральной власти в Мавераннахре [2, с.119].

Захир ад-дин Мухаммад Бабур (умер в 1530 г.) как непосредственный участник и очевидец событий в своих воспоминаниях пишет, что однажды, когда он в Самарканде (1497 г.) попал в окружение войск Шейбанидов, простой народ выразил глубокую солидарность и добровольно совершал дерзкие вылазки против войск кочевых узбеков. Другой случай: в 1500–1501 гг., когда Бабур вторично захватил Самарканд, городские жители возносили благодарственные молитвы. Он писал: «Наших людей и горожан охватила необыкновенная радость и возбуждение; они убивали узбеков на улицах камнями, палками» [3, с. 100]. Последние становились объектами ненависти и насилия со стороны местного таджикского и тюркского населения. Толчком к формированию чувства общности и коллективного поведения всегда служат определенные драматические события. Источником стихийной агрессии является всеобщая паника. Темная, иррациональная народная стихия проявила ужасающую жестокость по отношению к «источникам зла».

В результате быстро сменяющихся друг друга событий значительно нарушился религиозно-психологический климат мавераннахрского общества. В свою очередь, население городов региона в рассматриваемый период находилось в лихорадочном социально-психологическом состоянии, напоминающем ожидание чего-либо невероятного. Худшие предчувствия горожан оправдывались по мере развития события. Тревожное напряжение и страх, охватывавшие население при возникновении слухов о готовящихся нападениях, имели почти иррациональный характер. Стали обычными массовые паника и истерия. Человеческие жертвы (их обычно причисляли к

шахидам) повлияли на образ мышления людей, и последние довольно болезненно реагировали на любые предполагаемые угрозы. В самом мавераннахрском обществе обнаруживались скрытые факторы, которые привели к быстрому общественному хаосу и раздробленности. Нашествие кочевников совпало с династическими сложностями и распрями среди Тимуридов. Быстро обнаружилось пагубные внутренние механизмы государства: беспринципность и продажность тимуридских наместников, их недоверие друг к другу, совершенное безразличие к происходящим событиям. Кроме того, правдивые и лживые рассказы о зверствах Сефевидов дополняли эту картину. Страхи по поводу захвата Мавераннахра Сефевидами были сильно преувеличены. Вероятность захвата региона противником и воображаемые его последствия тяжело воспринималось населением.

С другой стороны, с течением времени местное население постепенно осознало смертельную угрозу, исходящую от кизилбашей в военном и религиозном понимании. В начале нового века произошло массовое убийство суннитов (население Карши, 1512 г.) кизилбашами во главе с сефевидским военачальником Наджми Сани (погиб в 1512 г.). В этой резне погибло также большое количество людей сайидского происхождения. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные рассказы Зайн ад-дина Восифи. В такой противоречивой, смутной эпохе население находилось на пороге трудного, решительного выбора. Ему следовало выбрать меньшее из двух зол.

Более обстоятельное и правдивое изображение того периода дает Зайн ад-дин Восифи. Он, в частности, пишет, что в 1512 г. шейбанидский военачальник Убайдулла-хан (умер в 1540 г.) после известной победы над Захир ад-дином Бабуром и его союзниками – кизилбашами торжественно въехал в Самарканд. Эта победа имела большое психологическое и религиозное значение, поскольку была одержана в период ослабления Шейбанидов, в период полного хаоса, бессилия и страха перед конфессиональным врагом. На следующий день в соборной мечети в присутствии хана и при огромном стечении народа была оглашена *хутба* на его имя [1, с. 102–103]. Когда *хатиб* во время чтения *хутбы* дошел до поминовения первых праведных халифов, крики и вопли людей достигли такой степени громкости, что никто уже не слышал голоса *хатиба*, люди начали падать на землю, рвать воротники, многих в беспамьятстве вынесли из мечети на плечах. Религиозная истерия и экстаз начались после поминовения *хатибом* сподвижников Пророка, которые стали самыми оскорбляемыми фигурами в ходе идейного противостояния с шиитами.

Главная тема религиозного спора той эпохи – легитимность порядка правления первых халифов. В захваченных хорасанских городах шииты практиковали публичное проклинание первых трех халифов и даже установили конкретную формулу их проклятия. Эта акция показалась суннитам предельно оскорбительной. Из-за известных военно-политических событий общество было заражено такой необычной формой проявления чувств, как массовая истерия. Реакция толпы в данном случае представляла собой определенные формы иррационального поведения и проявление слепой веры.

Таким образом, исторические факты свидетельствуют о системном кризисе, поразившем политическую жизнь государства Тимуридов на рубеже XV–XVI вв. Кризис подтачивал не только внутреннюю жизнь Тимуридского государства, терпела поражение и его внешняя политика. Государство не было в состоянии защитить внешние границы от грабительских набегов моголов и кочевых узбеков. За короткое время Мавераннахр был захвачен кочевыми узбеками – Шейбанидами. Новоприбывшие кочевые узбеки насильственно завладевали оставленными очагами, хозяйством и посевами. Такая ползучая миграция кочевых узбеков продолжалась в течение XVI в.

Но скоро в Хорасане появился могущественный враг Шейбанидов – шах Исмаил из династии Сефевидов, с присущими ему шиитскими мессианскими идеями. В то же время в среде Шейбанидов возникает идея «исламского халифата» с такими ключевыми понятиями, как «халиф» и «имам». Скрытые религиозные разногласия между двумя ветвями ислама быстро переросли в публичное военное противостояние с вытекающими разрушительными последствиями. Появилась проблема миграции по религиозным соображениям. Изначально главным вопросом между соперничающими силами стал вопрос о легитимности правления первых «праведных халифов». Соперничающие стороны стремились обосновать легитимность своего собственного правления. В результате военно-политического противостояния Шейбанидов и Сефевидов изменилась политическая и в известных пределах этническая, демографическая и конфессиональная карта региона.

Список литературы

1. *Болдырев А. Н.* Зайнидин Восифи. Таджикский писатель XVI века (опыт творческой биографии). Душанбе: Адиб, 1989. 464 с.
2. *Додхудоева Л.* Материалы по социально-политической истории Центральной Азии VIII – нач. XVI вв. : сб. очерков и ст. Душанбе: Мастер-принт, 2011. 639 с.
3. Захир ад-дин Мухаммад Бабур. Бабур-наме (записки Бабура) / пер. со староузб. М. Салье. Ташкент : Госиздат УзССР, 1958. 529 с.
4. *Камбарбекова Г. А., Сабитов Ж. М.* Сведения Хондемира о жизни Мухаммада Шейбани-хана в XV в. // Золотоординская цивилизация. 2017. № 10. С. 367–373.
5. Материалы по истории казахских ханств XIII–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алматы : Наука, 1969. 655 с.
6. *Пиотровский М. Б.* Светское и духовное в теории и практике средневекового ислама // Ислам: Религия, общество, государство. М. : Наука, 1984. С. 178–182.
7. *Семенов А. А.* Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Сталинабад : Изд-во АН Тадж. ССР, 1954. Т. 12, вып.1. С. 111–50.
8. *Семенов А. А.* Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1954. Т. 12, вып.1. С. 39–85.

The Military-Political Confrontation of the Safavids and Sheibanids in Maverannahr at the Beginning of the 16th Century

L. E. Ismoilov

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract. At the turn of the XV–XVI centuries, Mavearannahr and Khorasan witnessed important military and political events. The events brought radical changes to the political, ethnic, and confessional landscapes of Maverannahr and Khorasan. Uzbek nomadic tribes began a systematic seizure of the lands belonging to the Timurid State which by that time began weakening. The nomads' devastating raids severely affected the local civilian population. The first period of the development of the political situation in the region ended with the establishment of a new nomadic Shaybanid dynasty. The second stage of that process began with the emergence of a new military-political force called the Safavids who first appeared in Khorasan and then in Maverannahr. The political confrontation over the Timurid political heritage between the two forces acquired a religious tint after the Safavids declared Shia Islam the state religion. Despite a grueling war between them, there were no significant changes in the political map of the region. This Shiite-Sunni conflict gradually led to a great split in Islam. This article aims at examining the military-political and social situation of the regions under scrutiny during the invasion of the Uzbek nomadic tribes, on the one hand, and the Safavids, on the other hand. The author set to study the role of Islam in the unfolding political events. The relevance of the selected topic is as follows. The emerging socio-political situation in the region again gave rise to the idea of an "Islamic caliphate". Thus, this idea will again excite the minds and moods of certain categories of people when favorable historical conditions arise and with successful organizational and ideological activities. This is evidenced by recent events in Syria and Iraq.

Keywords: Maverannahr, Timurids, Shaybanids, Safavids, Islam, religious conflict.

For citation: Ismoilov L.E. The Military-Political Confrontation of the Safavids and Sheibanids in Maverannahr at the Beginning of the 16th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 33, pp. 70–79. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.33.70> (in Russian)

References

1. Boldyrev A.N. *Zainiddin Vosifi. Tadzhijskii pisatel' XVI veka (opyt tvorcheskoi biografii)* [Zayniddin Vosifi. Tajik writer of the 16th century (experience in creative biography)]. Dushanbe, Adib Publ., 1989, 464 p. (in Russian)
2. Dodkhudoeva L. *Materialy po sotsialno-politicheskoi istorii Tsentralnoi Azii VIII – nach. XVI vv.* [Materials on the socio-political history of Central Asia VIII – beg. XVI centuries (collection of essays and articles)]. Dushanbe, Master-print Publ., 2011, 639 p. (in Russian)
3. *Zakhir ad-din Mukhammad Babur. Babur-name (zapiski Babura)* [Babur-name (notes of Babur)]. Transl. by M. Sal'e. Tashkent, Gosizdat UzSSR, 1958, 529 p. (in Russian)
4. Kambarbekova G.A., Sabitov ZH. M. Svedeniya Hondemira o zhizni Muhammada SHEjbani-hana v XV v. [Information of Khondemir about the life of Muhammad Sheybani Khan in the XV century]. *Zolotoordinskaya civilizaciya*, 2017, no. 10, pp. 367–373. (in Russian)
5. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XIII–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochinenii)* [Materials on the history of the Kazakh khanates of the XIII–XVIII centuries (extracts from Persian and Turkic works)]. Almaty, Nauka Publ., 1969, 655 p. (in Russian)

6. Piotrovskii M.B. Svetskoe i dukhovnoe v teorii i praktike srednevekovogo islama [Secular and spiritual in the theory and practice of medieval Islam]. *Islam: Religiya, obshchestvo, gosudarstvo*. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 178-182. (in Russian)

7. Semenov A.A. Pervye Sheibanidy i borba za Maverannakhr [The First Sheybanids and the struggle for Maverannahr]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN Tadjikskoi SSR*, Stalinabad, AN Tadjh. SSR Publ., 1954, vol. 12, iss. 1, pp. 111-150. (in Russian)

8. Semenov A.A. Sheibani-khan i zavoevanie im imperii Timuridov [Sheybani Khan and his conquest of the Timurid Empire]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN Tadjikskoi SSR*, Stalinabad, AN Tadjh. SSR Publ., 1954, vol. 12, iss. 1, pp. 39-85. (in Russian)

Исмоилов Лутфулло Эшонович

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра востоковедения, африканистики
и исламоведения*

*Казанский федеральный университет
Россия, 420008, г. Казань, ул. Пушкина, 1/55
e-mail: ismoilov-62@mail.ru*

Ismoilov Lutfullo Eshonovich

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Oriental, African
and Islamic Studies*

*Kazan Federal University
1/55, Pushkin st., Kazan, 420008,
Russian Federation
e-mail: ismoilov-62@mail.ru*